

АРСЕНИЙ
ГОНЧУКОВ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛОВЕКА

РОМАН В НОВЕЛЛАХ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Другая реальность

Арсений Гончуков

**Доказательство человека.
Роман в новеллах**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончуков А. М.

Доказательство человека. Роман в новеллах / А. М. Гончуков —
«Издательство АСТ», 2023 — (Другая реальность)

ISBN 978-5-17-155970-0

«Доказательство человека» – новая книга Арсения Гончукова, режиссера и сценариста, писателя, шоураннера. Роман в новеллах, где семнадцать этюдов из будущего как фрагменты зеркала, развернутого в завтрашний день. Искусственный интеллект живет и процветает. Люди оцифрованы и стали бессмертными. Но когда на Земле появляется новый тип человека, биологическим людям приходится переписывать этику и заново договариваться. Сначала с цифровыми людьми, а затем и со всемогущей Цифрой. Человек победил смерть, но обрел ли он мир и счастье?

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155970-0

© Гончуков А. М., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

1. Не осуждайте меня	6
2. Утренняя пробежка	8
3. В темной комнате	11
4. Первый маньяк	14
5. Смерть напарника	17
6. Пугало	24
7. День события	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

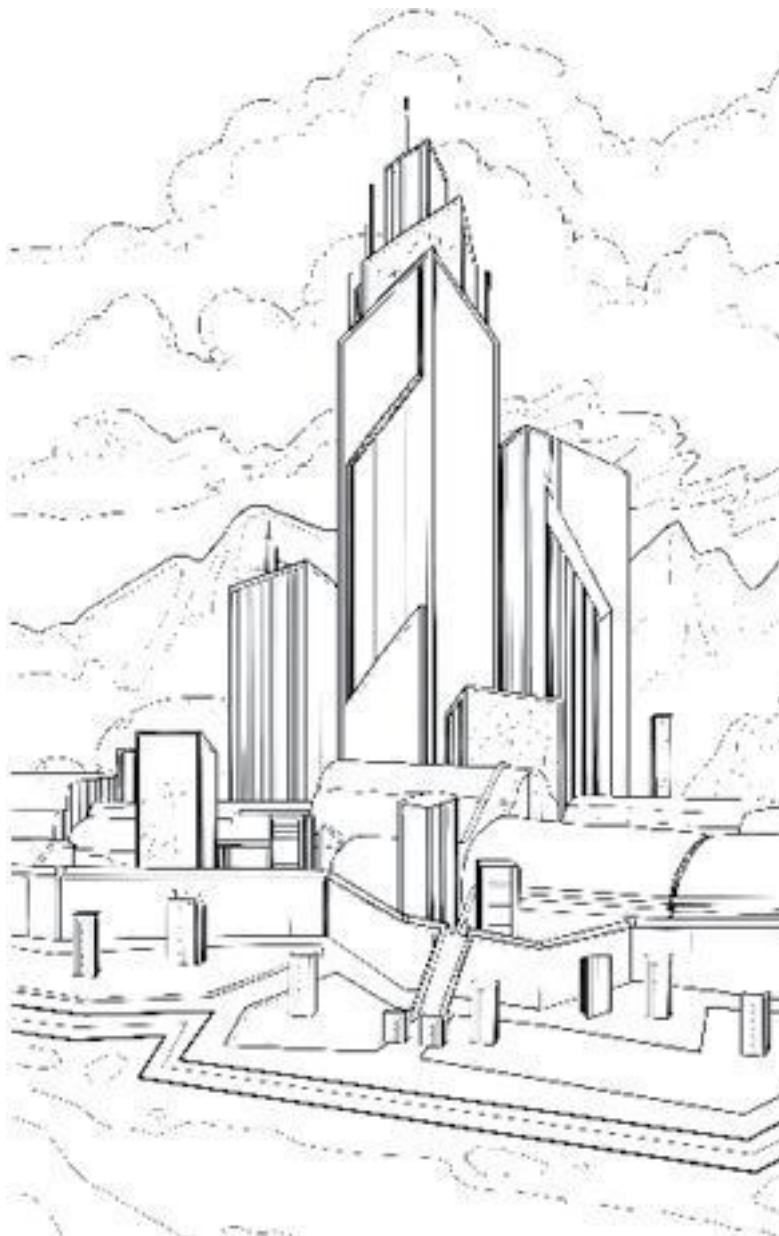
Арсений Гончуков

Доказательство человека

© Гончуков А.М.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*У нас есть обезьянка с беспроводным имплантатом с крошечными проводами в черепе, и она может играть в видеоигры с помощью разума.
Илон Маск, 2021*

1. Не осуждайте меня

У Игорька в детстве тельце было короткое, ножки длинные, тонкие, похожие на веревочки, хоть узелком завязывай. Головка – маленькая, вихрастая, заросшая темным жестким волосом – сидела сразу на плечиках, без шеи будто. Вид у него был и без того жалкий, а начинал хныкать – совсем смотреть на него без слез невозможно.

Родные, бабушки, дедушки могут начать рассказывать, что я виновата, но обвинять в чем-то мать, как мне кажется, надо очень осторожно... Мать в детстве ребенка – как политик во время кризиса: идет на непопулярные меры, рискует, действует жестко, но иногда нельзя иначе. Подумайте, зачем матери все это, если не затем, что она любит свое дитя и готова на все ради него?

Не осуждайте меня. Я как лучше хотела, пусть не вышло, но я пыталась... Тем более Игорь быстро восстановился, все забыл и снова заулыбался. Ну, через полгодика... И больше об отце не спрашивал никогда. Даже с соседской девочкой не обсуждал, а у них с Кристиной тогда ни одной тайны друг от друга не было, не то что со мной. Но я у нее спрашивала – нет, она не помнила разговоров про Николая Евгеньевича, то есть про Колю, ни одного.

Хотя, знаете, я тоже по нему скучала, думала, вспоминала. Смешно, конечно, и глупо, у нас же не было ни отношений, ни близости... К сожалению. Потому что Николай Евгеньевич был хороший и, думаю, я его все-таки любила.

Один раз только Игорек вспомнил Колю, когда мы жили на 206-м километре. Только-только уехали подальше от Ядра, от бетонки... Если вы не знаете, это то, что раньше называли Москвой, – муравейники многоэтажек прямо рядом с энергоблоками в центре столицы... Теперь настоящий город на периферии, начинается с 20-го, самого престижного, километра, где у всех свои дома, и вот и у нас крошечный домик появился...

Сын проговорился, ну на эмоциях вырвалось у него, из самой глубины, как говорится, детской памяти... Вспомнил тот самый случай, когда он притащил домой водяной пистолет. Как мы в детстве называли их, «сикалки». Китайские такие, из разноцветной прозрачной пластмассы, красные, зеленые, желтые – сплошь ядовитые оттенки! И запах от них резиново-пластиковый.

Утро субботы, запусков нет, небо чистое. Я стояла у окна с чашкой кофе. И вдруг хлестнуло по тапочке, даже не поняла, что это. Оборачиваюсь и вижу Игорька, его хитрую мордашу, и снова что-то по ноге хлещет.

– Гошка! Ты чего делаешь! – крикнула.

– А что-о?! – запищал весело.

– Сейчас отниму у тебя эту штуковину!

– Ты убита! Убита! Беру тебя в плен!

– Бери! – развожу руками, Гоша улыбается, светится, глаза как искорки.

– Так! Чашку на стол, руки за спину! – машет на меня пистолетом.

– Вот еще! Хитрый какой! Кофе допью и сдамся! – смеюсь.

Игорь вскидывается:

– Так вот значит как! Неповиновение! Включаем карательный режим!

Он переключил что-то там на своем пистолете, наверное увеличил струю, и вдруг как даст по всей кухне. Как из пожарного шланга, окатил и меня, и...

Николай Евгеньевич тут же сидел, за столом, газету читал. Ну Игорек его и облил с ног до головы...

– Ой! Ой! Что это? Вода? Что ты делаешь? – только и сказал он, поднялся, улыбнулся, встрахнулся.

– Ну-ка немедленно прекрати! С ума сошел?! – я закричала и схватила Игоря за рукав, и вышло резко, грубо: я дернула и пистолет упал и, кажется, раскололся... Сын испугался сильно тогда. И я испугалась. За Николая Евгеньевича в первую очередь. Но, слава богу, обошлось. Вода не попала.

Хорошо, что сейчас эти проблемы решили, но мне уже ни к чему... В моем возрасте держать дома столь сложную машину и дорого, и хлопотно. А так да, первые серийные гражданские андроиды очень боялись воды и влаги. Нас предупреждали, и во всех инструкциях писали, что нужно быть предельно осторожными – от воды могут сгореть центральные платы, и если она попадет внутрь через глаза или вентиляцию в носовых и ушных отверстиях, то ремонт окажется разорением. В нашем случае – выплата полной суммы залога, да еще и кредита с процентами за аренду.

Современные модели делают с применением каких-то фантастических технологий: программируемая ДНК, регенерирующее покрытие, жидкий нейросиликон... Чего только не показывают в рекламе!

А тогда было проще... Ставишь Колю на зарядку на ночь, а утром он как новенький. Сидит, в режиме ожидания газетку читает. Пока Игорюша спит. А я блинчики с маслицем стою жарю...

Но на водный пистолет Николай Евгеньевич рассчитан не был. Да и в качестве отчима был слабоват. И я его вернула. Хотя сын привык и потом сильно скучал, грустил, даже плакал.

И все-таки, мне кажется, правильно я его в том возрасте для Игорька взяла. Сколько он у нас пробыл? Год? Полтора? Чуть больше года, кажется... С самого первого вопроса сына, где его папа и кто он. И до того, как он, кажется, начал догадываться, кто такой Николай Евгеньевич...

Так что, конечно, можно говорить, что мать во всем виновата. Но я до сих пор уверена, что все сделала правильно. У Игорюши сейчас девушки живые, друзья тоже, никаких андроидов в его окружении вроде бы нет – ну кроме преподавателей, но сейчас везде так, это нормально...

Вот, написала, перечитала и думаю: может, поговорить как-нибудь с ним про Николая Евгеньевича, вспомнить, объяснить, признаться... И про отца, и про отчима...

А то вдруг Игорь до сих пор думает, что Коля настоящий был, живой. И что ушел от него, бросил.

Или не говорить уже? Не ворошить прошлое. Не знаю.

2. Утренняя пробежка

Музыка оборвалась. Треск, шум, дряблый голос старика:

– А я ему говорю – я тебя прошу! Я тебя умоляю! На колени готов грохнуться! Что нам делать? Что нам сделать? Я прошу!

– Не очень красиво с его стороны, конечно, – зазвучал голос пожилой женщины.

– Красиво? Не очень? Ну и слова ты подбираешь! Обидно! Страшно!

– Ну, в смысле... Я представляю...

– Родной же внук... И такой жесткий отказ! А за что? Что мы плохого сделали? В чем провинились? Противно думать! Внук! Родной!

Музыка заиграла снова. Голосов как не бывало. Вася остановился.

Что это? Кто это? Что за дед? Какой внук...

Шесть утра. Ровная, глубокого черного цвета дорожка со специальным покрытием. Чистая. Новая. В отличие от старых моделей, идеально скрывающая неровности насыпи под антигравитационной подушкой. Бегать – одно удовольствие. Впереди улица окутана мягкой дымкой утреннего тумана. Дальше начинается лес. Сказочная красота. Вот бы нарисовать туман акварелью! Сложно, наверное, рисовать эту дымку, прозрачность... Какое свежее утро! Только в такой прохладе и бегать, пока в воздухе слышен густой и влажный запах ночи... И омытые сонные листья пульсируют свежестью.

Музыка продолжала играть. Голос деда, обиженный и вибрирующий, как из голубинового зоба, не появлялся. Вася вслушался в играющий трек – глуховато-мягкие басы, какой-то, кажется румынский, мотив основной мелодии, далекие колокольчики, которые, если не вслушиваться, и не заметишь... Трек этот – первое попавшееся, самое обычное, что валяется в виртуальной среде их квартиры... Откуда тут дед? Черт с ним. Скоро станет жарко.

– Не знаю, в чем причина! Он чиновник! А они все сектанты! – вдруг, бесцеремонно оборвав музыку, зазвучал голос старика. – Я умолял его, а он запретил мне... И тебе! Родным! Не знаю почему. Разумных причин не найти!

Вася резко остановился, ткнув адаптивным протектором кроссовки упругую дорожку. Голос тут же пропал, вернулась музыка.

– Блин! Что это? – сказал Вася раздраженно вслух.

Вдруг что-то шевельнулось в глубине памяти. Как будто голос кого-то ему напомнил... Кого? Неужели отца? Но отец умер, когда был моложе этого... странного... дедули.

Вася прыгал на носках своих дорогуших кроссовок, чтобы не потерять ритм и не остудить тело. Сейчас, сейчас он побежит дальше...

– Так это ж дед мой, наверное, – Вася усмехнулся очевидной догадке.

А женский голос в первом отрывке – бабка? Вася попытался перемотать запись, чтобы еще раз прослушать загадочные разговоры.

Но записей не было – во всяком случае там, где он их слышал. Что это? Скорее всего, блуждающие звуковые артефакты, которые появились после перехода с физических на электромагнитные носители, – когда облачные сервисы стали невидимы и теперь находились в пространстве комнаты, в салоне автомобиля, вокруг идущего человека... Артефакты могли случайно прилипнуть к любому треку из миллионов в домашнем облаке Васи. Как мелкие обрезки скотча, липнущие ко всем поверхностям, кроме мусорного ведра.

Басы в наушниках делали легкий точечный массаж, в новую музыкальную тему он не вслушивался. Добежал до конца улицы: сосны стояли плотной стеной, лениво покачивая в вышине пушистыми зелеными облачками. Они пахну́ли на Васю смолистым духом, насыщенными ароматами влажных ночных трав. Первые еще не лучи, а отсветы восходящего

солнца уже пробивались, разгоняя колодезную тьму в глубине чаши. Хотелось постоять здесь подольше. Подождать и встретить солнце. Но вдруг в ушах что-то хрипнуло.

– И кого нам благодарить? – спросила пожилая женщина.

– Да ну, зачем я буду раскрывать... Главное, обошлись без помощи этого... И вот мы с тобой здесь вместе!

Помехи шероховато чиркнули по ушам как спичкой. Вася стоял замороженный. Холодная серость между деревьями в глубине леса наполнялась нежно-розовым светом.

– Ты умница у меня! – сказала старушка.

– Я знаю, моя любовь! – сказал дед, и они засмеялись.

Вдруг наступила тишина. Но музыка не включалась. Вася продолжал стоять, чувствуя, как остывает пот на спине, под мышками и ветер становится как будто прохладней. В просветах между деревьями было уже светло, розовый сменился белым золотом. Лес ждал – вот-вот вспыхнет солнце.

Василий стоял долго, сквозь затихшие наушники он начал различать пение птиц. Наконец развернулся и зашагал назад – бегать расхотелось. Музыка не включил, надоела. Пробежка сегодня не задалась.

И тут шаркнуло сверху. Так, что дернул головой, – показалось, это не в ушах, а на улице. Снова подрагивающий, но настойчивый стариковский голос:

– Внук.

Вася чуть не споткнулся.

– Или внучка. Я здесь...

Вася остановился и зачем-то посмотрел по сторонам. Вокруг – никого.

– Я не знаю, кто ты, но надеюсь, кто-то из наших, моих, потомков Чагина... Меня зовут Никита Сергеевич Чагин. Я родился в 2943 году, умер в 3021-м...

Вася вновь осмотрелся, как будто кто-то мог услышать в его наушниках голос деда, звучащий из глубины уходящего века.

– Не стоит тревожиться, это всего лишь запись, которую я сделал и оставил в архиве нашего домашнего сервера... С таймером доступа через 50 лет, на всякий случай...

Голос затих, но Вася слышал, что запись идет, дед здесь и просто сделал паузу, не решаясь говорить, собираясь с мыслями.

– Я просто хотел рассказать, предупредить... что однажды... родной сын может отказать собственным родителям в Проступке. Или как вы теперь это называете? Может быть, просто – обсчет, оцифровка? Неважно. Отказать в жизни. Отказать в бессмертии. Отказать в дальнейшем существовании отцу, умирающему от рака... Родной сын! Как такое возможно? Как так получается, что убеждения и принципы сына становятся приговором родителям? Как?! Дикость! Но в нашей семье такое случилось... Я просто хотел про это рассказать... Остаться на домашнем сервере, вернуться и рассказать. Нет, я не обвиняю Данилу, нет. Он работал на государство, он был резко против новых технологий – и цифровой криологии, и сетевых долгожителей, и тем более Проступки... Но мы-то нет! Нет! Мы хотели жить! Тем более я знаю, что придет время, когда Проступка станет недорогой, быстрой, рядовой операцией, как очистка ультразвуком зубного налета... Ты, внук или внучка, кто это слушает, я абсолютно уверен, понимаешь, о чем я...

Вася услышал резкий шорох и повернул голову. Но это дед смеялся в наушнике:

– Вот так, нажаловался на сына! Ха-ха! Нажаловался злобный дед! Ну а что делать? Я, конечно, организовал нам с бабушкой Проступку, есть у меня хорошие знакомые... И мы благополучно отбыли в хранилище... А здесь просто оставляю привет. Мы с бабкой, если что, там. Можете найти нас по голосовому ай-ди. Вдруг кто-то из внучков не будет таким упертым, как Даня? Ха-ха! Нет, я серьезно!

Снова смех, и затем короткое:

– Прощай! Увидимся!

И запись отключилась. И вновь потекла музыка. Вася отключил ее. И только после этого заметил, что бежит, небыстро и легко, как на автопилоте. Вася, конечно, знал, читал про те времена, когда людей буквально свело с ума открытие первых не слишком надежных способов оцифровки сознания, человеческой личности... Много десятилетий новая процедура была необычайно популярна во всем мире. Цифровые кладбища, соцсети для мертвых, целые города и государства в стремительно разрастающемся, как его окрестили, глобальном Morternet'e... Каждая семья упорно копила, откладывая на загробную жизнь, на жизнь цифровую, бесплотную, бесконечную... Это стоило немалых денег.

Вася бежал и думал: жаль, наверное, что те смелые, хотя и сомнительные технологии давно запрещены, серверы и города уничтожены, а за попытку незаконной оцифровки сознания можно получить десять лет тюрьмы. Если ты, конечно, не сотрудник какой-нибудь секретной военной лаборатории.

– Жаль, жаль, – выдохнул Вася, – голос у деда прикольный, родной такой, как будто сто лет знакомый...

Василий вдруг почувствовал, будто его похлопали по плечу. Он резко остановился, обернулся, и его ударили – беззастенчиво, в полную силу сзади бил вырвавшийся на свободу первый луч солнца. Стремительно наступало утро. Мокрый после ночи лес горел золотым фейерверком.

3. В темной комнате

- Слушай, ощущения, конечно, очень странные, – сказал он негромко.
- А что ты чувствуешь? – спросила она.
- Блин, хороший вопрос...
- В смысле? Почему для тебя это... сложный вопрос? Что ты чувствуешь?
- Я пока не понимаю, что я чувствую. Не знаю.
- Они помолчали.
- Когда сможешь рассказать, как это, Расскажи, пожалуйста... Мне интересно... Я подожду.
- Да нет. Все нормально. Просто... Что я чувствую... Сейчас сформулирую.
- Он замолчал. Она ждала минуту, две, три, но он не возвращался, ей стало тревожно.
- Ну, как ты? Отдохнул?
- А-ха-ха-ха! – засмеялся он громко. – Вот теперь я точно смогу отдохнуть!
- Да уж!.. – она улыбнулась.
- Да уж... – он затих.
- Они замолчали. Молчали долго.
- Так хочется тебя обнять... – прошептала она жалобно.
- Он не ответил.
- Ты здесь? – спросил он.
- Да, я тут, ты же меня видишь, – ответила.
- Вижу... Тоже странное ощущение.
- Ты... сформулировал?
- Нет еще... Пытаюсь понять. Сориентироваться...
- Я не тороплю. Мне самой еще... – она улыбнулась, нервно засмеялась.
- Да уж... тебе тоже надо привыкнуть. Ко мне такому... Но...
- Он осекся. Они помолчали.
- ...меня сделают видимым, и будет легче.
- Да, да, конечно... Конечно... легче...
- Ну не совсем, конечно... – он ухмыльнулся.
- Ничего! Ничего! Милый! Мы привыкнем! – она улыбнулась, сделала движение рукой, словно хотела прикоснуться к нему.
- Они замолчали. Столбики индикатора звука на экране монитора сложились, оставив внизу пару неподвижных зеленых черточек. И вдруг снова взлетели вверх.
- Зря ты сказала про объятия. Я вот тоже хочу тебя... поцеловать! – произнес он с издевкой.
- Все будет, все будет, милый, ты привыкнешь! Мы привыкнем! А потом...
- Ага, потом! – он перебил ее.
- Да. Правда, – сказала спокойно.
- Конечно. Потом. – Взял себя в руки. – Но не говори мне ничего про объятия... Хорошо?
- Прости.
- Странность в том, что чувствуешь себя совершенно голым, – он сказал тихо, серьезно.
- Голым? – растерялась она.
- Ну то есть... Голым, в смысле открытым со всех сторон. Но не очень понятно, где ты...
- Когда ты голый, ты ощущаешь кожей воздух, как-то чувствуешь пространство...
- Как ты красиво говоришь, я так люб... – воскликнула она.

– Да, – оборвал ее и продолжил: – А сейчас я как будто голый, но даже этого я не могу почувствовать. Понимаешь? Как будто заперт в темной комнате. В безвоздушном и бестактильном помещении, где ничего не могу ощутить, потрогать, увидеть...

– Но ты же слышишь меня!

– Да. Слышу тебя... Слава богу...

Он выговорился и замолчал. Прошла минута.

– Ты здесь? – спросила она.

Сначала было тихо. Затем столбик снова задержался, из динамика послышался жутковатый ритмичный хрип. Она поняла, что он смеялся.

– Конечно здесь! А где мне еще быть? Ха-ха-ха! Ты меня насмешила... Ха-ха-ха! – он смеялся еще и еще.

– Извини. Извини... Прости меня. Я сказала глупость какую-то...

– Так, стоп. Не надо. Лен, не надо. Все нормально... В этом даже что-то есть... В таком, так сказать, существовании... Чистота сущности. Предельная очищенность. Я – концентрат!

– Да уж... да. Но ничего, ничего, это ненадолго, Тём...

– Ненадолго... да. – Он помолчал. – Они говорят, это необходимо. Теперь я, кажется, понимаю почему.

– Важно почувствовать себя, так сказать, в чистом виде.

– В «состоянии ноль», как они говорят.

– Да.

– Круто... Ощущение вакуума... Страшновато, правда, немного...

Замолчал. Она заметила, что он начал формулировать свои ощущения, что хорошо. Привести к этому ее и просили.

– Страшно... Это пройдет, Тём...

Он не ответил.

– И будет лучше...

Он молчал.

– Динамика есть...

– Пустоты нет, – заговорил он.

– Что ты говоришь? О чем ты?

– Пустоты, говорю, нет. Это некоторые проблемы с моим присутствием. Но отсутствия нет. Я есть. И ты есть... Ведь ты же... рядом? Так ведь?

Она почти закричала:

– Да! Да! Я здесь! Я рядом! Мой любимый!

– Спасибо. Спасибо, милая.

– Ты улыбаешься, я чувствую, слышу!

– Да. Да. Я люблю тебя. И улыбаюсь.

– И я тебя тоже. Я тебя тоже.

– Мне скоро надо идти... – сказала Лена.

– Ты на работу? – сказал Артем.

– Да, и по учебе тоже... Дела навалились...

– Расскажешь потом?

– Конечно, конечно! У нас будет куча времени!

– Да, нам надо поговорить... О многом.

– Конечно, конечно...

– Ты иди, иди, не задерживайся тут... Я нормально... Обнимаю тебя.

– А я чувствую, что ты улыбаешься! – воскликнула она весело. – Да! Да! Вот правда!

– Ладно, ладно... – он говорил и действительно где-то там улыбался. – Голос и правда хороший. Голос мой. Нормально сделали...

- Голос – это очень важно, Тём.
- Да...
- И нет никакой пустоты. Ты прав, ты прав, Тёмочка мой... Я здесь, я рядом.
- Ленк, ты иди... Куда тебе надо... Увидимся... Завтра придешь?
- Да, конечно. Я каждый день.
- Отлично!
- До завтра, милый.
- До завтра, моя хорошая. Шлю тебе воздушный поцелуй! Ц-ц-ц!
- Оп! Поймала!

Они засмеялись вместе.

Она вышла. Доктор встретил ее, придержал дверь.

- Проводить?
- До парковки... а то я, кажется, забыла...
- Вот сюда, пойдете.

Они зашагали по коридору.

- Вы молодец, Елена! Все четко, по инструкции, и живенько так...
- Я не по инструкции... Я его люблю.
- Да, да, прошу прощения... Я понимаю. Я в том смысле, что...
- Да я поняла вас. Ничего. Просто я очень хочу, чтобы у него побыстрее все наладилось.
- Все наладится. Вы в хороших руках. Наш центр занимается оцифровкой уже много

лет...

- Спасибо вам! Можете на меня рассчитывать. Я сделаю все что нужно. Любую инструкцию, любую задачу...
 - Отлично, отлично. Спасибо. Это огромная помощь...
 - Спасибо.
 - Вот здесь аккуратнее, там дорожка и налево...
 - А, да, я вспомнила, вижу...
 - Хорошо... Ну, всего доброго...
 - Всего хорошего! Спасибо вам, доктор!
- Дверь закрылась. Доктор стоял и слушал, как затихают ее шаги.
- Да уж, повезло пареньку.

4. Первый маньяк

Он сел в ракету, громыхнувшую под ним металлом, пристегнул крест-накрест ремни, надел шлем, захлопнул над головой фонарь из сверхпрочного плексигласа, запустил двигатели – фронтальный, два тяговых и три подъемных – и потянул рукоятку с большой красной кнопкой на себя. Сопла двигателей скрылись за оранжево-красным ревущим потоком огня. Ракета под прямым углом взмыла над Подмосковьем и направилась в сторону Ядра – лететь всего несколько минут.

Провожая взглядом крошечный в вышине самолет, Парамонов представлял ракету как в фантастическом мультике, чувствовал себя мальчишкой и улыбался. Второй час стоял в восемнадцатиполосной июльской пробке, жмурился на синее небо. Ну а что? Было бы клево иметь такую ракету, летать на работу... Сзади посигналили. Блин, впереди машина уехала! Парамонов дернулся, но перед ним тут же влезла наглая красная «Тесла». Да и черт с тобой. Не жалко.

Улыбка с лица сползла. Вот так и на работе могут. Отправить в увольнение и больше никогда не вернуть. Что делать? Я им докажу. Я молодой, умный, работоспособный. Парамонов утешал себя, но чувствовал, насколько сильный страх сидит внутри: потерять работу – значит потерять все.

«Молодой, подающий надежды» капитан милиции особого аналитического киберотдела УВД Москвы Павел Парамонов подъезжал к Управлению. Предельно собран, серьезен, даже суров – каким всегда становился в радиусе пары километров от широкой черной бетонной высотки с узкими окнами.

Приказ об увольнении (официально – «О приостановке») как минимум сорока процентов личного состава еще не был подписан, и работа по текущим особо важным делам продолжалась. Впрочем, других в парамоновском отделе не было.

Вот отдельный ведомственный светофор, поворот налево и – въезд под плотной охраной из трех вооруженных андроидов в стандартной форме ОМОНа. Далее автоматически считывается спецпропуск, иначе бы метра не проехал, и машина ныряет вниз, в длинный темный тоннель, и мощный магнит, встроенный в стены, вырубает всю электронику, которую ты по ошибке мог взять на работу. В самом конце тоннеля автомобиль просвечивается безопасным рентгеном.

Со служебной парковки ведет массивная бетонная лестница, наверху укрепленная кривыми листами брони сейфовая дверь на электроприводе, за ней – просторный холл с сияющим паркетом цвета желчи и стенами под мореный дуб. Здесь очень тихо. В воздухе глухота и сдавленность, как на подводной лодке. Как будто не проезжал несколько минут назад через центр Москвы, не видел пронзающий солнце шпиль Дома Советов, как будто ты на дне морском, под толщей миллионов кубометров воды.

Уже через четыре месяца «раскопок» в ведомственной библиотеке и в спецархивах МВД Павел понял, что Кретов был маньяком. Ветеран войны 2040 года, полковник-супервайзер 107-го гвардейского киберспецподразделения, программист-самоучка с докторской степенью, а до войны коллега, легендарный следователь по особо важным, Леонид Натанович Кретов закончил жизнь в психушке. В самой обыкновенной дурке для ветеранов кибервойн, куда свозили буйнопомешанных с передовых всех фронтов.

Однако тайные эксперименты, которые интересовали Парамонова и его отдел, полковник Кретов ставил и описывал задолго до печального знакомства с персоналом дурдома. Исследования его были дотошными и скрупулезными, а выводы точными и убедительными – дай бог каждому так хорошо соображать.

– А зачем он это делал? Паш, ты понял цели-то его? Ради коммерческого интереса или... что, строго научный интерес? – говорил немного в нос Андреев, подполковник и шеф особого

киберотдела, стоя боком у окна, глядя куда-то вниз так, что глаза его светились, как стеклышки витража на солнце.

– Эм-м... Сергей Дмитриевич, вот я уверен, что не ради выгоды... Ну как? Скорее, для себя. – Крупный Парамонов с планшетом в руках присел на краешек кушетки, не слишком фамильярно, но и вполне свободно.

– Убивал для себя... Прият-тный у нас кол-лега... – растягивал слова Андреев.

– У него была такая возможность. Что само по себе, согласитесь, эм-м, дорогого стоит. Когда после войны в 44-м военные разработки наконец пошли в гражданку и все узнали и увидели, что такое настоящие нейросети и человекоподобные машины на их базе, Кретов сразу открыл собственную компанию – по сути, конструкторское бюро плюс цех по разработке и внедрению...

– Это все вроде бы понятно, Паш... Тогда все начали открывать фирмы и фирмочки, чтобы заработать на хлынувших в свободный оборот технологиях, но только Кретов занимался тем, чем занимался... Ведь так? – Андреев говорил медленно, но твердо, от окна не отворачиваясь.

– Да, Сергей Дмитриевич, именно так... – Парамонов сдерживался, стараясь говорить на столь важную для него тему ровным голосом. – Проблематикой искусственного интеллекта преступника и криминальными наклонностями ИИ занимался тогда только он... Пионер практически! Ну если не считать закрытых изысканий наших коллег, военных и спецслужб... Но Кретов пошел дальше, гораздо дальше.

– Хотя, казалось бы, куда уж... – тихо сказал Андреев. – Там жуть какая-то у него началась...

Подполковник резко отвернулся от окна, нашел лицо Парамонова и заглянул в глаза. Паша на секунду растерялся.

– Кретов... эм-м... знаменит в научной среде тем, что не просто пытался выявить преступников среди... отдельных экземпляров ИИ, так сказать... а сам начал обучать их... и... заставлять преступать закон...

– Вот! – Андреев энергично поднял вверх палец.

– Человек, который учил искусственный интеллект грабить, насиловать и убивать... Причем с особой жестокостью... В качестве обязательного... эм-м... условия...

– Отлично. Как это официально формулируется в деле?

– Так, э-э-э... – Паша запрокинул голову. – Ну, например: «Исследовал естественным образом возникающие при генерации нейросетей психологические барьеры»... Или: «Изучал генезис, тестировал и выявлял границы допустимого»... И в итоге составил так называемую «Шкалу моральных установок», признанную позже не совсем научной... Ну и... эм-м... зашел в своих экспериментах слишком далеко... и однажды...

– Понятно, Паш. Дальше я помню. Но нам сейчас плевать, сколько Кретов народу убил, нас тут самих скоро... – Андреев притих, глядя в пустоту, явно не желая потерять некую видимую только ему нить. – Нас, товарищ капитан, мораль, этика и допустимые пределы уже не интересуют и их не интересуют... – он кивнул в окно. – Нам нужно выловить из бумаг Кретова хоть что-нибудь насчет критической ошибки, которая – возможно! возможно! – приводит ИИ к преступному поведению... Понимаешь? За тем я тебя и направил... Вот главное. Вот что нам нужно понять!

Андреев снова отвернулся к окну.

– Так, э-э, товарищ подполковник... Я понимаю... – Парамонов выпрямился.

– И? – тот вдруг резко повернулся обратно.

– Этих данных нет... Я не могу найти.

– Нет или не можешь найти?!

– Нет.

Подполковник смотрел на Парамонова в упор. Капитан встал – взгляд начальника поднял его с кушетки.

– Я уверен, что Кретов так и не выяснил, откуда... эм-м... и как среди нейросетей появляются маньяки и убийцы, скажем так... Это осталось неизвестным.

– А матрицы вычислений и логи сохранились? – голос Андреева как будто сел. – Какие-то наработки, которые могут быть полезны...

– Только контрольные сектора... испытательных прогонов... но это гигантские объемы информации, петабайты... – говорил Парамонов осторожно.

– Знаю! – раздраженно сказал подполковник. – Только мы ни хрена не успеем.

Андреев поднял глаза на небо, Парамонов проследил за его взглядом. Военный самолет, крупный, серебристо-черный, летел беззвучно, как будто крался по небу. Они оба смотрели и шурились.

– Сколько, по последним данным? – тихо спросил Парамонов.

– Тридцать человек.

– Войдем в историю.

Андреев замер у окна. Парамонов сел на кушетку, откинулся на мягкую спинку. Открыл на планшете раздел поисковика «Новости». Сотни статей и заметок, сгруппированных по темам, и заголовки один оглушительнее другого: «Кровавая бойня в Москве – количество убитых цифровым маньяком перевалило за...», «Первое массовое убийство Искусственным Интеллектом», «Нейросеть-убийца орудует в столице», «Искусственный интеллект-маньяк – разработчики не выявили ошибок в коде», «Первый в мире ИИ-преступник заявил, что не собирается останавливаться»...

Парамонов листал страницы, Андреев смотрел на город. Вдруг на улице что-то грохнуло – хлопок, скрежет, звук рвущегося металла, как будто подорвали автомобиль. Андреев отпрянул. Парамонов вскочил и уставился на шефа. На улице заголосили сигнализации, послышались сирены, в небе с характерным гулом тут же возникли милицейские дроны... Андреев посмотрел на подчиненного, хотел что-то сказать, но передумал.

Улицу перед отдельным въездом в здание киберотдела УВД Москвы перекрыли спустя несколько часов, сразу после подписания приказа. Меры были приняты чрезвычайные – обеспечить их привлекли не только ФСО и СОБР, но и военных. Семь БТР, несколько БМП, два танка, не считая бесшумно зависших штурмовых беспилотных вертолетов. Непосредственно к выходу подогнали три четырехосных грузовика с красными фургонами со встроенными погрузчиками.

Чтобы собрать в одном месте, отключить, инвентаризировать, упаковать и подготовить к транспортировке всех андроидов, работавших в киберотделе, понадобилось шесть часов – к началу погрузки на улице стояла глубокая ночь, и над машинами зависли автономные лампы. Приехавшие из Следственного комитета «живые» следователи-кураторы опечатавали грузовики. Единственный наблюдавший за погрузкой генерал, худощавый, седоватый, с короткой стрижкой, вдруг рассмеялся. Полковник с планшетом обернулся. Генерал показал пальцем – в одном из прозрачных контейнеров подполковник и капитан замерли друг против друга, как восковые фигуры: застывший недовольный Андреев и наклонившийся перед ним испуганный Парамонов.

– Эти как обычно! – воскликнул полковник.

– Теперь вдоволь наговорятся! – засмеялся генерал.

5. Смерть напарника

Корабль был настолько огромным, что тянулся по небу уже несколько минут, грохот стоял невыносимый – ощущение, что не на земле стоишь, а едешь в раздолбанном лифте размером с футбольное поле.

Одна из первых летающих крепостей военно-гражданского назначения с серийным номером 5-14 на борту – это «Гроза», целый микрорайон, кусок искусственной суши с домами, административными зданиями, спортплощадками и дорогами на прямоугольной платформе размером 1600 на 700 метров, – и все это, представьте, летит над землей на высоте двадцатипятиэтажного дома. Затмение солнца, пылевая буря, летящие с деревьев листья, взрывающийся в небо мусор, гул систем охлаждения самых больших в галактике антигравитационных двигателей... Прежде чем покажутся алые круги сопл задних маневровых, ползти громада будет еще минут десять.

Там, наверху, получше. Здесь, внизу, улицы разбиты войной так, что ходить почти невозможно. Месиво из подбитой техники и бетона, лабиринты из арматуры и искореженного металла. Однако патруль есть патруль: Денис вышел из-за полуразрушенного здания, прошел несколько метров и вдруг – вздрогнул, поднял руку, медленно попятился и, оттесняя Ивана, вернулся за угол, опустился на корточки... Бетонное крошево захрустело, Иван присел сзади, положил руку напарнику на плечо и, пробиваясь через грохот, закричал:

– И не надо меня опекать, понял? Я сам все решу! И схожу в лабораторию сам, один, и тогда, когда мне это нужно будет... Ясно? – он гаркнул так, что Денис отшатнулся.

С полминуты сидели тихо. Затем Иван выглянул из-за угла – пусто. Обманчиво пусто. Когда необъятная «Гроза» загораживала солнце и улицу покрывали сероватые, как в черно-белом кино, сумерки, они всегда пользовались кратким преимуществом и атаковали. Они – это «лисы»: живые, из плоти и крови, командиры расчетов стрелковых и минометных отделений взводов в составе разведрот. Лейтенанты и старшие лейтенанты, молодые, хитрые, жадные до войны. Боевую роботизированную пехоту пускали в любое время суток, «лисы» устраивали провокации только в темноте.

Опытный Иван прислонился к прохладной стене, потянулся за электронной трубкой, но Денису не сиделось – выглянул за угол и засек в темном провале подъезда напротив красное свечение, похожее на переливающуюся кровавым цветом паутину.

– Твою ж... – только успел крикнуть Денис, как ноги его резко ушли назад, он упал на локти, разбив их об острую бетонную крошку. – Ай! Ты... – хотел спросить, но его еще раз с силой дернули за ноги. И в тот же миг он услышал тонкий ультразвуковой писк – красная паутинка легким электрическим разрядом застробила над головой, и с угла здания с треском посыпалась мелкая бетонная крошка. Полкубометра камня размолотило мгновенно, как в древесную труху.

В голове звенело, Денис перевалился на спину, и ему показалось, что он лежит в узком индейском каноэ, которое скользит по стремительной реке под голубовато-серым небом, – правда, из неба почему-то торчат огромные канализационные трубы, видны толстые черные кишки электро- и data-кабелей и оно как будто потертое, с его металлической поверхности отшелушивается краска...

Через несколько секунд начал возвращаться звук – адский гул от проходящего над ними корабля, затем стал чуть тише раздражающий звон лопнувшей пружины, который, насколько понимал Денис, означал легкую контузию. А через минуту терпкий, с запахом камня, воздух над ним вспыхнул золотистой дымкой – вышло солнце. «Мы как на подиуме!» – подумал Денис и понял, что «Гроза» 5-14 ушла, а он лежит на земле в облаке пыли.

Денис перевернулся и привалился к стене, где на корточках сидел Иван, – его короткую белобрысую шевелюру изящно покрывала серая пыль.

– Тащ командир, спасибо за помощь... – сказал Денис. – Но, Ваня... я тебя одного в бункер не пушу, даже не надейся... Энтешка твоя готова... Уже покрывают раствором и допиливают программные модули... Видишь, нам тут одним нельзя. Мне чуть башку не отстрелили.

Иван не ответил, отвернулся и махнул рукой по затылку – пыль полетела с него хлопьями грязного снега.

Пока ехали в лифте, молчали. На лице Ивана – адская смесь: страх, смятение, злость, недоверие к «медбратьям». Так военные называли представителей привилегированного сословия технарей, которые строят квантовую цивилизацию антигравитационных двигателей, гибридного и искусственного интеллекта, а также андроидов и военных роботов и машин, работающих при помощи всего этого. Иван, как и большинство находящихся наверху, в испепеленном городе, терпеть не мог тех, кто «подносил им патроны» отсюда, из стерильных подземных лабораторий и фабрик.

Лифт размером с просторную комнату, с белыми стенами, с чистым, блестящим, из цельной титановой плиты полом, очень быстро уходил вниз, отщелкивая этажи. Они ехали на Выдачу на территории первой резервной шахты полка, второй уровень, минус двести сороковой этаж.

– Вань, ну сделай лицо попроще, а? Мне кажется, мы когда «лису» ловим и ей хвост рубим, ты и то как-то добрее... А тут все-таки за обновкой едем!

Иван улыбнулся краешком губ.

– Все нормально. Просто для меня это не прогулка...

Он помолчал и вдруг добавил:

– Больно еще, наверное...

Иван отвернулся, а Денис пожалел об этом разговоре. И, чтобы отвлечься, стал думать о другом. Денису, по второй должности помощнику командира полка по обеспечению, всегда было неприятно это противостояние. Его братья по оружию вечно подчеркивали, что медбратья не воюют и шкурой не рискуют, а его друзья внизу, не стесняясь, говорили, что дуболомы-вояки ничего не изобретают, а только ломают... Как будто вояки ломали их машины специально! Как будто медбратья строили роботов для чего-то другого!

Тем более, ввиду нехватки людей на изнурительной бесконечной войне, и медбратья частенько выходили наружу чинить, эвакуировать – и там получали ранения и гибли ровно так же, как и кадровики. Поэтому открытое пренебрежение как минимум несправедливо, а говоря откровенно – обидно.

Лифт плавно затормозил, и только тогда пассажиры поняли, как быстро он ехал.

Сплошное, от пола до потолка, стекло создавало ощущение, что его нет. За ним предбанник – пространство для вывода техники, как здесь называли боевых андроидов. Основные модели выпускали несколько: штурмовые роботы, которые идут неживым тараном впереди живых подразделений, разведчики-минеры – портативные рабочие лошадки, их вечно не хватало на передовой, а также «напарники», машины прикрытия, имеющие навыки штурмовиков и консультантов по тактическим расчетам на поле боя. Самые продвинутые, самые интеллектуально сложные агрегаты, с которыми из-за мощности нейросети часто случались технические проблемы.

Денис стоял перед стеклом, на губах играла довольная улыбка – его лучший друг все-таки решился. Рядом с ним стоял Аркадий Лирник, пожилой завлаб сектора А Выдачи с огромным рубленным носом и невыбываемой черной щетиной, он смотрел по-доброму, но с легкой деловой тревогой щурился и шевелил бровями. В руках у него был планшет, на котором светились данные всех систем уходящей из-под опеки ученых очередной сложной роботизированной машины.

Сам Иван стоял за стеклом, боком к ним, перед будущим напарником NT-10.79, которому пока не дали имени. Под яркими лампами лаборатории робот сиял. Голова и туловище были похожи на грубо высеченные из цельных металлических глыб многогранники. Брутальности и свирепости андроиду придавало то, что все технологические отверстия – «глаза», «уши», «рот», которые по функционалу не имели ничего общего с человеческими, – находились в глубоких нишах на голове. Выдавался только нос, тупой и скошенный снизу, – он имел назначение защищать верхнюю часть машины при столкновении с плоскими предметами (стенами, дорожным покрытием, танковой броней) и был сделан из темного металла. Вблизи лицо выглядело хищным, звериным – из-за узких черточек светящихся глаз и короткой линии рта.

Довершали образ непропорционально крупные кисти рук и стопы – самые, пожалуй, сложные агрегаты в этих последних моделях, сделанные на стыке новейших достижений военной механики (мелкие, но очень прочные детали) и наноэлектроники (когда все работает без лишних проводов).

Из-за короткого туловища, напичканного электроникой не меньше, чем в древности, – целый военный самолет, и длинных ног и рук издавна NT-10 мог показаться забавным и долговым, как подросток. Но обманчивость только добавляла жути. И здесь, и наверху все прекрасно знали про подвиги лучших представителей серии – например, энтешки с легкостью расчленяют человеческие тела, на лету отрывая головы, руки, ноги, разрывая пополам туловища, просто потому, что в ближнем бою им так проще, – все происходит быстро, некогда выцеливать и стрелять в нужные места. Разорвать надежнее и проще.

Андроиды с легкостью и как будто с удовольствием пользовались подобными приемчиками. Люди наблюдали, удовлетворенно вели счет ликвидированному врагу, но где-то в глубине души ужасались бесхитростной жестокости расправы машин над хрупкой органикой.

NT-10, которого Ивану предстояло забрать, назвать, обучить и сделать чем-то для себя гораздо большим, чем просто умная машина, стоял и разглядывал хозяина. Выглядело это и трогательно, и пугающе. Робот уже анализировал, запоминал, учился, привыкал. Иван что-то говорил ему.

Денису казалось, он видит настоящую идиллию, и она ему нравилась – это будет отличный фронтон дуэт. Впереди у них много подвигов и славных дел. Вдруг за стеклом началось движение, и Денис увидел, как Иван ходит вокруг NT и выкрикивает, судя по мимике, что-то громкое и грубое. Лицо Ивана сделалось суровым, он покраснел и как будто раздулся. Денис посмотрел на завлаба, но тот лишь кивнул, мол, обычное дело при первом знакомстве, нужна притирка.

Такое наверху случается часто – бойцы теряют братьев по оружию, забывая, что те – роботы. Денис понимал, что после гибели Стаса его другу Ивану придется начать все заново. Передавать новой машине навыки коммуникации, общаться, разговаривая, взаимодействуя физически, подстраивая нейросеть под себя. Собственно, уникальный адаптивный алгоритм, восприимчивый, как гениальный ребенок, понимающий человека целиком, в тончайших нюансах и движениях души, и есть важнейшее достижение науки за всю историю человечества, суть и основа современной цивилизации. Алгоритм настолько совершенен, что, когда в такой сращенной паре погибает робот, человеку становится нестерпимо больно. Это потеря родного человека, утрата частицы себя.

– У нас там... все штатно? Перенос... – спросил Денис, с беспокойством глядя на Ивана, мечущегося за стеклом. Завлаб что-то пробормотал и, повернувшись к Денису и вскинув брови, добавил внятно:

– У нас... вроде бы... все штатно... Нейросистема пашет как зверь... Объемы информации в режиме отладки и обучения там бешеные...

– Вроде бы?

– Ну... другое дело, качество... Я не знаю, как ваш товарищ справится. Как выстроит диалог, так сказать...

Лирник внимательно посмотрел на Дениса добродушным стариковским взглядом. Денис смотрел на его нос, огромный, как руль катамарана.

– Знаете, ребяташки мои... – прозвучало по-отечески, с ноткой укоризны. – Это ж ваши рабочие машинки! Вы должны искать с ними общий язык, а мы что? Зарядил, и готово. Вперед, развлекайтесь! – и он бесшумно захихикал.

Завлаб был прав. Ученые здесь кропотливо и тщательно собирают андроидов из частей, пришедших из глубокого тыла, с уральских подземных заводов. Собранные «корпуса» машин прошивают, внедряя адаптивный ИИ, цепляя его к серверу и передавая командирам наверх.

Когда робот выходит из строя, гибнет на передовой, его ИИ, взрослый, развитый, заточенный под конкретного хозяина, вытаскивают из облака и помещают в новый корпус. Подмену заметить невозможно, копия нейросети снимается на поверхности земли непрерывно, сохраняясь в серверном хранилище. Крайне редко обстоятельства сходятся так, что погибает и машина и одновременно противник атакует серверную станцию, где лежит бэкап. Тогда ID AI – говоря проще, личность машины – гибнет.

Неожиданно Иван выскочил из комнаты, умудрившись задеть плечом стеклянный косяк, который загремел и завибрировал.

– Что? Ваня, что?! – Денис бросился к нему, но тот рванул к лифтам. – Твою мать! Да что случилось?! – Денис на ходу обернулся, заметив, что Лирник опустил планшет и задрал вверх голову. Рядом же стоит вышедший из предбанника NT, и он как будто растерян, не знает, что думать и делать.

Денис догнал шефа. Схватил за рукав:

– Иван Николаич! Ну ты чего? Что происходит?

Иван не стал вырываться, они остановились в нескольких шагах от лифта. Иван повернулся боком, в три четверти, и Денис увидел покрасневшие глаза. Что это, слезы?

– Ваня, ну что такое? Что за херня? Скажи мне, я поговорю с Выдачей, это моя обязанность...

Денис хорошо знал, что может происходить. Представьте, вы теряете взрослого брата или сестру, и вам на следующий день приводят взамен другого или другую.

Иван стоял не двигаясь, будто прислушиваясь к себе. Денис смотрел на робота, опустившего кажущиеся смешными длинные плети-руки. Только спина Лирника суежилась – он набирал что-то на планшете, – словно единственная живая из всех присутствующих.

Кто-то наверху вызвал лифт, и Иван очнулся, сделал шаг, протянул руку к кнопке вызова – нажал. И тут среагировал робот – он ожил и как ни в чем не бывало сделал несколько шагов к Ивану. Но тот вдруг обернулся, сверкнул глазами и крикнул:

– Стой, где стоишь! Слышишь меня?!

Это было грубо. Даже Лирник замер. Денис невольно расставил руки, одну к Ивану, другую к роботу, который встал как вкопанный. Он взглянул на NT и улыбнулся, но ему было страшно обернуться и посмотреть на друга – в голосе Ивана звенело столько обиды и боли.

Они стояли, лифт приближался. Лирник тихо смылся вглубь лаборатории, понимая, что конфликт отторжения как-то должен решиться. Что делать? Можно оставить NT здесь еще на пару дней. Или Ивану взять отпуск в части, что сейчас будет воспринято как дезертирство. Со дня на день наступление. Там гибнут люди, гибнут роботы, гибнет земля, за которую, за каждую пядь, Восток и Запад дерутся не первое десятилетие. Так что? Без роботизированной поддержки в паре, тем более в тройке, раньше участвовать в боевых действиях было запрещено. Теперь командирам все равно – андроидов не хватает. Но работать без них, на живую – это огромный риск... Риск? С каких это пор мне стало не наплевать на опасность? Так думал

Иван, а может быть, Иван всего этого не думал, а это Денис пытался влезть другу в голову, чтобы увидеть хоть сколько-нибудь рациональный ход мыслей...

Судя по вспыхивающим на табло над дверями цифрам, лифт был уже близко. Денис смотрел на Ивана, он действительно переживал за друга, и тот это чувствовал. Вдруг Иван поднял глаза на Дениса и медленно улыбнулся.

– Блин! Да я отвык уже... – сказал смущенно и кивнул на NT, – от этой компании!

Он имел в виду и присутствие, и минимальную помощь, лишние руки.

– А вот привыкай заново, старик! – засмеялся Денис.

Лифт был уже в паре этажей, и вдруг Иван обернулся, посмотрел на NT и положил руку на его хромированное плечо:

– Извини, боец.

У Дениса в груди екнуло, тут же стало жарко.

– Ну что, немного побегаем? – Иван кивнул вверх, не отводя глаз от андроида. – Не засышь?

Он ехидно засмеялся, в ответ у робота во впадинах глаз, под бровями, замигала еле заметная красная подсветка – она выглядела старомодно, киношно, но инженеры ее сделали, нужно же как-то железным штуковинам эмоции выражать.

Лифт приехал, двери раскрылись. В тот же момент рядом открылись двери второго грузового, и все трое повернули головы. Из лифта вышел низкорослый, но широкий, могучий Паша Дурнов из семнадцатой роты. Он увидел ребят, махнул рукой, но тут же обернулся и поддержал выходящего за ним из лифта напарника. Штурмовой NT-71, которого Пашка называл «красный командир», еле держался на ногах с одной оторванной, другой покореженной стопой. Разглядывать было некогда, да и неприлично, но они успели заметить болтающуюся на обугленных тросиках правую руку, оторванное предплечье левой, искры под подбородком и услышать повторяющуюся невнятную техническую фразу – штурмовик на бесконечном репите бормотал что-то о повреждении процессора. Зрелище не из приятных, Пашка вел напарника, как побитую собачонку.

– Крепко досталось, – сказал Иван, заходя в лифт.

– Ага. А на самом ни царапины...

– Автотанки, наверное, потрепали. На северном кордоне. Там, говорят, перед наступлением совсем горячо стало...

Лифт был размером с фургон грузовика, со стенками из толстой грубой стали, заклепанной и заваренной по старинке. На противоположной от входа стороне стены не было – лифт, как балкон без ограждения, выходил прямо в бездонную шахту, слабо освещаемую дежурными лампами. Шахта, оставшаяся от старого рельсового агрегата, была шире кабины, но переделывать не стали. Это было даже удобно при перевозке крупных моделей андроидов или турелей с длинными пушками.

Лифт громыхал и раскачивался, подталкиваемый снизу парой мощных антигравитационных двигателей. Иван подошел к краю, металлический пол был опасно пологим. Денису почему-то стало тревожно. Иван стоял, ни за что не держался, смотрел вниз, покачивался.

– Ваня, ты как?

Вдруг Иван заговорил развязно, громко, словно был в лесу:

– Я – нормально! Я – отлично! А ты как?

Денис помолчал, но затем ответил:

– Хочешь, поговорим? Я прекрасно понимаю, что происходит. Я это уже проходил...

– Слушай, ну о чем тут говорить? – огрызнулся Иван.

– В смысле?

– Ну о чем здесь говорить, Дэн? Надо просто перестать корчить из себя непонятно что... Это же просто железяки! Да, они обучаются, да, они дико похожи на людей, на друзей... Но

это роботы, железо, провода, пластик, прошивки... Ну? О чем говорить? Говорить можно об эмоциях, о чем-то живом! Не так, Дэн? Разве не так? Все остальное – глупость...

Иван взмахнул рукой, но неуклюже, и вдруг он качнулся на краю лифта; это выглядело опасно, Денис сделал движение – подбежать, поймать друга. Но Иван показал жестом: стой, все нормально.

– Это какие-то инфантильные переживания, разве нет? – сказал Иван с кривой ухмылкой. – Наши эмоции, привязанности к ним... Это же чушь... Тебя это не бесит?

– Нет, меня это не бесит, – сказал Денис серьезно, – потому что все, что касается чувств, важно. Потому что дело не в роботах, а в нас. В наших и привязанностях, и эмоциях, и душах. Да, ты прав, они железки. А мы нет. Ты нет. Не важно, что чувствуют они, важно, что чувствуешь ты. Вот ты, Ваня.

Иван усмехнулся, посмотрел на робота и махнул ему, подозвав к себе, и тот осторожно, чтобы не раскачать лифт, сделал пару шагов.

– Иди, иди сюда...

Робот сделал шаг – зажужжал двигателем и цокнул. Иван засмеялся.

– И? Чего ты?

– Ну так, Ваня! – встрял Денис. – Его научили бояться высоты, он и рассчитывает расстояние с запасом... А ты ему как раз и нужен, чтобы научить...

Иван резко схватил робота за руку и с силой дернул к себе. Тот послушно поддался.

Денис замер – Иван, улыбаясь, с безумным выражением лица тянул робота за руку, но не к себе, а мимо, к самому краю... Тянул, тянул, дергал, еще и еще... NT подчинился, двигался и вот оказался у края лифта... Улыбка не сходила с лица Ивана, он продолжал тянуть, пока наконец андроид не завис над бездонной пропастью шахты.

– Ваня... дружище... ты, главное, помни, что он стоит шестнадцать миллионов кибер-баксов... И надеюсь, ты помнишь... – Иван не ослаблял хватку, держал напарника над краем, Денис даже моргнуть боялся и говорил все тише: —...Ты помнишь, *что* у нас за преднамеренную порчу... военного имущества Советов, да?

Робот стоял над бездной на половине стопы, с каждой секундой пододвигаясь еще на полсантиметра...

– И наконец, ты помнишь, Ваня... – тут Денис чуть повысил голос. – Ты помнишь, что мы ждали его полтора месяца, да? Ежедневно рискуя! – последние слова он выкрикнул и, не закончив, бросился к Ивану...

Но тот, увидев движение Дениса, вдруг поднял ногу и уперся NT в грудь и, зная, что робот не упадет, а в последнее мгновение превратится в железную стену, с силой оттолкнулся от него и – выбросил себя в распахнутую пасть шахты...

Подбежавший Денис увидел только вспыхнувший в мозгу микрокадр – Иван, раскинув руки, как космонавт, летит в бездну.

* * *

В лифтовом куполе на поверхности земли за полутораметровыми стенами обычно тихо. Выстрелы, взрывы, гул двигателей слышны только снаружи. Когда внутрь забегают мышь, ее лапки гремят в тишине, будто она последнее выжившее существо на планете. Но вот послышался лифт, стены задрожали, мышка исчезла.

Первым из открывшихся дверей вырвался смех – трескучий, истерический гогот. За ним появился бледный Денис. Он с трудом шагнул, качнулся от тяжести и побрел дальше, таща на спине Ивана, мертво вцепившегося в него твердыми, как болты, пальцами. Иван ржал и не мог ни остановиться, ни продолжать – начал хрипеть и кашлять.

Успокоился он, только когда все вместе они вывалились на улицу. Перед тем как двинуться в часть, нужно привести себя в порядок, запросить безопасный коридор через прифронтовые территории. Иван, красный, потный, совсем одуревший, мотал головой, будто пытался стряхнуть с лица застывшую судорогу смеха. Они почти синхронно начали расстегивать и перетягивать ремни и стяжки на разгрузках и брюках, проверять заряды экзоскелетов и электронные патронташи, затем осмотрели оружие, протестировали связь со штабом.

– Ладно, ладно, брат... – сказал Иван, все еще тяжело дыша. – Прости меня за этот фокус, прости, ради бога...

Денис стоял на одном колене, начищал до блеска ботинки, прохаживаясь губкой в труднодоступных местах между шнурками.

– Не простишь, не простишь... – хрипло похохатывал Иван. – Но серьезно, честно, извини... брат... Это был тест, я знал, что он меня поймает... Тест, ну а как иначе?

Вдруг Иван замолчал. Денис поднял голову и увидел, что он взял NT, стоявшего в стойке, за руку и ведет к нему.

– Так, смотри, старина... В безопасной зоне, да и везде, где нет военных действий, ты не должен стоять в охране, как тебя программировали, в пятидесяти метрах... Ты должен быть с нами, рядом, как коллега и товарищ... Этому не учат в лабораториях. Но этому учу я... Понял?

Робот кивнул.

– Отлично. Таких вещей много... Которых нет в базовой прошивке нейросистемы, но есть в нашей долбаной реальности... Систем много, а реальность у нас одна. И жизнь одна... У меня, у него, – Иван показал на Дениса, – у нас, живых... жизнь одна. В отличие от тебя. И ты, как мне кажется... – он осекся, коротко кашлянул, – уже это понимаешь... И это очень хорошо.

Он отпустил руку робота, тот сразу выпрямился, и Иван с силой начал хлопать его по стальному плечу.

– Ну, брат, боевое крещение ты прошел! Спас командира! – смотрел, щурился и бил Иван. – Спасибо тебе. Спасибо, боец!

Вдруг Иван замолчал, убрал руку, уставился на андроида и сказал тише на два тона:

– Ну что, Дэнчик, как назовем бойца? – сказал он, и Денис встал, убрал в карман губку. – А назовем его Стас, а? Как думаешь! Назовем? – Он снова начал бить NT по плечу, и было заметно, что бьет сильно, так, что человек давно бы свалился. – Стас будешь. Будешь Стасом. Понял?

Голос Ивана дрогнул:

– Ну, как мой прежний. Он мне братом был. Больше, чем братом. Понимаешь, Стас?

Последние слова Иван говорил почти шепотом, после чего развернулся и быстро зашагал к воротам безопасной зоны. Стас на мощных длинных ногах быстро пошел за ним, поднимая пыль.

Денис стоял и смотрел на две уходящие вдаль фигуры.

6. Пугало

По ушам ударил резкий короткий писк. Близко, над головой, с шумом мелькнуло нечто огромное, будто взмахнула крылом гигантская птица. Пространство качнулось, как вода в стакане, когда кто-то толкнул стол.

Все произошло в считанные секунды и сразу закончилось. Остался только звон в голове, легкая несфокусированность взгляда, слабость в коленках... Мария Федоровна, пошатываясь, стояла на огороде в синих растянутых трико, в калошах, в резиновых перчатках, в старой красно-желтой кофте и соломенной, изгрызенной мышами шляпе. Ох, голова кругом и в глазах темно! Впредь не смей так резко разгибаться! Потому что видишь, мать, что происходит... Хорошо, обошлось... А в следующий раз может и кондратий хватить! Уф...

Хозяйство у бабы Маши было обширное, пятнадцать соток, на которых она хозяйничала одна. Хотя было уже тяжело. Но, может, когда внученька Катя детей заведет, ее к земле потянет? Баба Маша всматривалась в густые заросли бурьяна на соседнем участке. Забора не было. А может, и Андрей соберется? Вот и расширится можно. Но Андрей нет, нет! Он уж точно вряд ли. Серьезный человек стал сын. Важный, состоятельный. Весь ушел в науку да эти свои технологии... Да уж! В том, чем занимается сын, баба Маша вряд ли когда-нибудь разберется.

Лучше уж вы к нам! На грядки! Здесь хорошо. Зелено, свежо, а пахнет землей и травами как! И все живое. Вон зеленый кузнечик на высохшей травке, сейчас прыгнет, вон стрекоза с хрусткими крылышками на укропчик присела, а это кто у нас тут? Лягушонок! Совсем крохотный... Ты что тут делаешь? Раздавлю же! Фу, гадость какая!

Мария Федоровна присела к грядке, подняла совок и исчезла для этого мира, целиком погрузившись в прополку редиса... Там, близко, под землей, наливаются силой корнеплоды красно-фиолетового цвета с белыми хвостиками-хлыстиками, ароматные и хрустящие. Эх, еще бы зубы! Андрей уговаривает поставить какие-то новые, быстрорастущие... Это что, у меня зубы как редька будут расти во рту-то? Ась? И баба Маша весело рассмеялась.

Вдруг что-то снова мелькнуло над головой – резкий звук, яркая вспышка, – хлопнуло по ушам и глазам и отдалось в груди слева... Мария Федоровна медленно и осторожно поднялась на ноги, дыша тяжело, неровно. Под ребрами что-то трепетало, сжималось, опадало... Так-так-так-ак... Да что ж такое сегодня... Так и очокуриться недолго... Что это со мной?

– Понижай нагрузку! Понижай! Выруби автомат вообще! – послышался за спиной как будто знакомый мужской голос, и бабка удивленно обернулась...

Калитка легко и звонко стукнула по туловищу дубового столбика. Никого нет. Ветерок, видимо... Послышалось.

– Эй, кто там?.. – хотела крикнуть, но боль отдалась в груди. – Радик? – Сосед напротив, часто заходивший то за мукой, то за советом. Но нет, никого, тишина...

Надо бы сделать калитку-то, а то вертушок слетел, а приколотить некому. Николай Ильич, дорогой мой, сколько уж без тебя ползаю? Двадцать три года скоро...

Вот сейчас грохнусь прямо тут – и привет, Коля, встречай свою ненаглядную! Никого там не себе? Смотри у меня! Спрошу!

Так. Успокоиться. Постоять, подышать, а может, и полежать пойти... Какой там! А работать кто будет? Баба Маша осмотрела огород. Идеально ровные, высоко насыпанные грядки уходили одна за другой как огромные ступени в пологую горку на конце участка. Прямо военный парад на Красной площади! Мои части, роты, полки!

Это простой лук, а это лук-порей. А там, рядышком, чесночок уже, а за ним вот и медвежий лук... А это капуста тут занимается. Кабачок проклюнулся. Тыква, вот здесь будет лежать, наливаясь крутым бочком... Тут патиссоны, не знаю, капризные они, уродаются ли, неясно пока... Укроп, понятно! Петрушка! Кинза! Мясо-то с ней, а? Вот приедет Андриюша

пашлык делать! Ух! А здесь цветная; Катька, правда, ее терпеть не может... Огурчики, специальный сорт, из новых, хоть насмерть его заморозь, все растет... Прямо зверюга, непривычно, конечно, не очень я такое люблю... Помидора такая же, новая, две недели, а уже готова почти, налитая, красная... Вон там мята, перечная и такая, обычная, и мелисса, вместо этого, как его, лимончика больно хорошо... Смородина, малина... Надо бы к чаю настричь да чайку свеженького заварить, с медком-то...

Бабушка дошла взглядом до самой ограды, где было мутно, нерезко. Темный после дождя забор сливался с далекой полоской елового леса. Вдруг баба Маша повернула голову влево и вздрогнула – стоит, смотрит на нее, в шляпе, с носом торчком, с длинными ручищами, высохший, жуткий, только пальто болтается на ветру...

– Ну привет, что ли! – закричала бабка. – Это ты тут от скуки разговаривать начал, ай? Ну, признавайся!

Пугало в ответ покачало пустыми рукавами, как безрукое привидение. Баба Маша дошла до грядки с мелиссой, начала срывать.

– Ох ты! Ох ты! Моя-то! Вместо лимончика!

– Лимончика тебе? Так я принесу! – послышалось вдруг сзади; баба Маша вздрогнула, обернулась, но снова никого...

– Кто там? Михална, ты?

И тут калитка распахнулась и появилась Настасья Михайловна, соседка, в высоких синих резиновых сапогах и ядовито-желтом хитцаще военного образца.

– Ты чего бродишь тут, Федорна? – поздоровалась Михална.

– Да вот! По огороду активничаю! А ты что? Как поясница-то, лучше?

– Ох, ох, ох-хо-хоюшки! Лучше! Куда там!

Соседка, прихрамывая, зашла и встала посередине огорода. Маленькая, сгорбленная, с близко поставленными глазками, гнутым носом, на крылышках которого лепились шарики бородавков, с платком на голове, красным в белый горох, – ну вылитая Баба-яга из мультфильма!

– Ты вот что мне лучше скажи, – продолжила Михална, уперев руки в боки, – ты дрова-то на зиму какие запастись будешь? Чай, август кончается, скоро завернет погодка-то... А зимы у нас – потепление не потепление, все одно зверские!

– Так какие дрова? Поди такие ж! – Баба Маша аккуратно ломала легкие трубчатые стебельки мелиссы. – А в том году что было? Уж не помню!

– Как не помнишь? В том году ты не растительную березу брала! Да все жаловалась, что дымная она... И я тебе предложила смесь взять, которую второй год пользую...

Баба Маша поковыляла вглубь огорода за листиками малины и мяты.

– Нет, Михална! Ты же знаешь... – Она исчезла за кустом, откуда послышалось кряхтенье. – Не очень я эти новомодные штучки! Которые плеснула, и они горят три дня... Ох, нет! Не люблю! Боюсь!

– Да ну, перестань! Отечественные разработки!

– Вот ты любительница, я помню... – Бабка встала, разогнулась и добавила: – А я все равно по старинке люблю, чтобы запах да дымок, чтобы огонек желтый...

Но ее слова упали в пустоту, Михалны не было... Баба Маша огляделась – в саду пусто. Обиделась? Убежала? Нет, не могла так быстро исчезнуть...

– Ох! Нет, надо пойти полежать... Добром это не кончится...

– Мя-а-а-ау! – заорали за спиной. Вздрогнула, обернулась. Котов у нее никогда не было. – Мя-а-а-а-ау-у-у!! – резануло по ушам, как металлом по стеклу, еще громче.

Баба Маша смотрела на пугало и не верила своим глазам. Уродец в пальто и шляпе взмахнул пустыми рукавами и растянул, как пластилиновую, прибитую гвоздями половинку жестяной крышки от банки, символизирующую рот. Пугало взвизгнуло:

– Мяу!! Ты слышишь?! Мяу-у! – после чего начало дико хохотать, да так, что палка, на которую оно было насажено, стала рывками выдергиваться из земли.

Баба Маша в ужасе отступила в сторону дома, но не тут-то было – прямо на нее из калитки вылетела разъяренная Михална с поленом в руке, которое тут же обрушила ей на голову.

Стало темно и тихо. Но через несколько секунд послышались настороженные мужские голоса:

– Слушайте... надо это прекращать уже...

– Прекращать?

– Ну или... – мужской голос дрогнул, – просто снизим нагрузку...

– Больше не можем. Слетит модель.

– Ну еще немного подержать можем... Но если что, я даю команду, и сразу стоп.

Баба Маша очнулась на земле. Поднялась, облокотившись рукой на мягкую, как перина, грядку, выпрямилась... Господи! Несчастье-то какое! И она бросилась на колени – поправлять помятый чеснок с поломанными стрелами... Да что ж такое со мной сегодня! Ну! Баба Маша разозлилась не на шутку. Собранные к чаю листики валялись здесь же, в грязи.

– И эта еще! Пришла! Дрова ей мои не нравятся! А? Вот чего? Чего явилась?! – бабка вскрикивала громко, явно напуганная нападением соседки.

Вернула чеснок на место, собрала травы, поднялась. Нет, надо пойти лечь. А то совсем прихлопнет... Нехороший день. И дождя нет, только тучи свинцом наливаются да сердце в груди бултыхается, как картофелина в пустом ведре.

Баба Маша окинула взглядом огород, и ее кольнула неприятная, но привычная мысль, что никогда не знаешь, какой твой взгляд последний... В этом возрасте. Да в любом возрасте. Человек *внезапно* смертен... Кто это сказал?

Пошла в дом. Лечь, полежать. Нет, нет, грешу, хороший день. Любой день у Господа хороший...

Она вошла на крыльцо, потянула за ручку двери, хотела сделать шаг и вдруг увидела, что дом... сдувается. Прямо на глазах становится меньше и меньше. Баба Маша с силой дернула дверь, и та съехала прямо у нее в руке. Ринулась за порог, но ударилась об косяк, который деформировался, будто пластилиновый, и повалился на нее. Бабка вскрикнула от ужаса, упала на четвереньки и попыталась влезть в подобие собачьей будки, в которую превратился дом за считанные секунды... Сунула голову, но он совсем опал, сдулся, и она не успела. Только плюхнулась на живот и, подняв голову, с ужасом увидела, что ее жилище превратилось в разноцветную лужицу... Баба Маша перевернулась на спину и посмотрела на огород, и глаза ее округлились – грядки таяли словно снег, быстро, как на ускоренной перемотке.

Короткий одиночный сигнал, обозначающий удар сердца, замер, завис и растворился в воздухе. И тут же, после паузы, начался другой, тонкий и протяжный, вытягивающий душу сплошной звук – остановки и смерти.

Круг разомкнулся, врачи отступили. Высокий мужчина провел ладонью и прикрыл глаза лежащей на больничной койке пожилой женщины. Рука соскользнула с лица – и вот оно, сухое, строгое, смуглое, с выпирающими белесыми под тонкой кожей скулами. Бабе Маше, которая скончалась минуту назад, шел сто двенадцатый год.

Несколько минут тишины нарушили вздох, стон, сдавленное покашливание, тяжелые шаги, скрип ручки, хруст пружины доводчика, легкий хлопок двери.

В комнате наступила полная тишина. Но через минуту вновь зашуршала бумага, шаркнули ноги, послышался писк нажимаемых на пульте кнопок, и наконец сплошной протяжный звук пропал. Датчики погасли. Щелкнул выключатель, и вытянутая, будто из дерева вырезанная фигура старухи погрузилась в полумрак.

Огромная комната, напоминающая одновременно и больничную палату, и лабораторию. У стен по периметру высятся мрачные, массивные, напоминающие банкоматы агрегаты со

встроенными мониторами. Вверх от них, как щупальца крупного осьминога, идут толстые черные трубки с силовыми и data-кабелями. Под мониторами крепятся дополнительные мини-экраны, насыщающие бело-голубым свечением пространство вокруг них.

Снова послышался скользящий шорох бумаги. Быстро заурчала шариковая ручка. Высокий мужской голос нарушил тишину:

– Может, догнать Андрея Владимировича, спросить по поводу... кремации?

– Не надо его лишний раз дергать, – резко ответил низкий немолодой голос. – На вот лучше, заполняй, а я ее укрою...

Старший оператор, атлетически сложенный мужчина в белом халате, колпаке и маске, передал молодому ассистенту планшет с бумагами на прищепке.

– Сто лет не писал от руки! – усмехнулся тот и повернулся к ряду мониторов у стены со сложными графиками и диаграммами.

– В электронные базы это нельзя, – сказал старший.

– Так... Я буду вслух, если можно. Чтобы не запутаться... – сказал ассистент.

Укрыв старуху плотной синей пленкой, старший остался у изголовья, где грозной скалой нависал массивный черный куб с монитором, от которого уходили вверх, в широкую шахту, толстые кабель-каналы. Он выбрал в меню завершение операции и начал медленно набирать код.

Ассистент переписывал данные:

– Так... Время пребывания пациентки в пуск-стационаре – двадцать один день. Общее время подключения к аппарату моделирования сновидений и выделенной реальности – девять часов. Период-иллюзия внутри модели – восемь месяцев... Причина смерти – остановка сердца физического носителя. Смерть наступила по-о... э-э... м...

Он запнулся. Посмотрел на прибор.

– Смерть... Григорий Степанович... у нас получается... естественная, да? Или что... – бормотал ассистент.

– Э-э-э... Ну конечно... – ответил старший после паузы, воткнув еще одну цифру кода. – А от чего еще? От придуманной соседки с поленом, что ли? Естественная. Счастливая. От старости. От остановки сердца...

– В отличие от... – ассистент криво улыбнулся. – Мотоциклиста на прошлой неделе...

Григорий Степанович посмотрел, и ассистент понял, что сказал лишнего.

– Так... далее... Наступила... в силу необратимых процессов старения... Так. Нарушения при выходе из модели... Григорий Степанович, а тут что писать? У нее же были нарушения? Андрей Владимирович не давал отключать до самого конца...

– Миша. Не надо писать про нарушения! – сказал старший, повысив голос. – Когда речь о руководителе института и его маме... Хорошо?

Он смотрел на ассистента.

– Конечно, конечно... Я просто...

– Но вообще... – Григорий Степанович наконец-то ввел код и закрыл программу, отключив монитор. – Правила наши никуда не годятся. Давно пора ставить перед советом института вопрос и переписывать. Ну что за бред в инструкции, что пациента из модели нужно выводить при угрозе смерти... Чтобы он не умирал там, внутри! Обязательно выдернуть, и пусть здесь помирает! Но – зачем? Я понимаю – при гипнозе, из него нельзя выводить резко... Но у нас можно! Зачем умирающего извлекать? Пусть там и уходит, в красоте, так сказать, и гармонии.

– Может, какой-то смысл изначально закладывали... – заявил Миша.

– В том-то и дело, что никакого. Формальность. Ты закончил?

– Да! Только пройти по отметкам таймера...

– Не таймера! Говори правильно. Про таймер вы в курилке болтать будете. А здесь давай выражаться по-научному – *временного преобразователя*.

– Который вы называете коробкой!

Они рассмеялись и одновременно посмотрели в угол, где высился самый большой шкаф, от которого провода шли по всей лаборатории. На самом его верху в черном матовом контейнере с толстым передним стеклом мягко светился синеватого оттенка куб – центральный процессор виртуальной машины времени. Она и создавала искусственный временной сдвиг в модели, куда погружалось человеческое сознание.

Смех затих. Миша опустил взгляд на бабу Машу, которая подсматривала из-под пленки.

– М-да... Один день как два месяца... – промямлил ассистент и обернулся.

Григорий Степанович стоял на выходе, держал дверь нараспашку, с вопросительной гримасой ожидая Мишу.

В цокольном этаже института пахло столовой, горячей сытной едой.

– Сегодня гороховый?! Счастье-то какое! – Григорий Степанович заметно повеселел и ускорил шаг.

– Ой, да! Он тут обалденный! – воскликнул Миша.

– Ну так вот... – Григорий Степанович продолжил разговор, начатый в лифте. – Диплом ты лучше напиши не о проблемах, как ты говоришь... «этики погружения пациентов» в эти, в «экстремальные виртуальные модели»... Это все, конечно, интересно вам, молодым...

– Ну а как? Вы же сами рассказывали, секс, снафф, сафари, казни...

– Да пожалуйста! Реальность заказывают разную, любые прихоти за деньги клиента... Хоть в эпицентре ядерного взрыва. Как только у нас не умирают... И это, конечно, кажется вам крутым... Но! – Он чуть замедлил шаг, посмотрел на Мишу: – Видел только что «кино» в просмотрных очках? Про бабу, про соседку, огород...

– Видел.

– Ну так вот. Напиши о том, как человек хочет умереть на родном огороде на грядке среди редьки и петрушки да мяты вместо лимончика. Вот о чем напиши.

Григорий Степанович постучал указательным пальцем себе по виску, подмигнул, отвернулся, и улыбка тут же слетела с его лица – из-за двери столовой показалась очередь.

– Что? Нет? Не тема? – затараторил он, заметив замешательство ассистента. – Это же самое интересное! Все обалдеют. И все оценят. Нет?

– Да, да... – сказал Миша, чтобы не обижать шефа. – Идея интересная. Надо подумать...

7. День события

Утром выехать из Ядра на дачу, пока не перекрыли центр. До этого сделать и отправить макет, пока не проснулся Герчик. А еще успеть вздремнуть. Сидела, локтями на столе, выдавливая щеки к глазам.

– Не спать! – шепнула громко. – Соberись, Лерка!

Убрала руки, подвигала челюстью туда-сюда.

– Ладно, блин! Ладно! – открыла рот, подняла брови, вытаращила глаза. – Империя довела мне неотложное дело! Я все успею! Не ссать!

Треснула по пробелу на ноуте – проснулся, разлепил сияющий глаз белого листа. На нем – что-то похожее на иероглиф. Протерла глаза – картинка стала четче. Старинные вензеля эпохи классицизма вернулись в моду. Нет, поспать вряд ли получится. Завитушки и петельки букв выводятся вручную.

Спасибо Гере. Укачала, положила, вырубился, и до утра. Счастливая мать. Даже улыбнулась, но улыбку перебил зевок.

Посмотрела на стену, на которой в последних отсветах заката мерцали рамки многочисленных дипломов, призов и наград. Легким движением пальцев приблизила начатый набросок логотипа, состоящего из двух слов: «День События».

* * *

Встал по будильнику ровно в 4:00, хотя отец всегда говорил: не ставь будильник на точное время, всегда накинь пару минут, просыпаться легче. Поднялся и сел, понюхал рукав рубашки, третий день на работе, уже пахнет. Осмотрел обивку дивана, от него тоже запах. Здесь постоянно ночуют умученные стажеры, водители, пьяные. Может, они бьют на этот диван? А я тут сплю, я, Денис Кораблев, старший организатор Комитета ДС при Совете России.

Поднялся на ноги, отряхнул брюки, посмотрел в окно, где в бледно-серой дымке будто парил над землей самый густонаселенный район Ядра – высотного бетонного центра древней столицы. С удовольствием зевнул. Расставил руки в стороны и с протяжным мычанием потянулся. На энергичном выдохе резко бросил руки вниз.

– Подъе-о-о-ом! – крикнул Денис так громко, что у самого челюсть хрустнула. – Работать, челядь!

И уже выходя в дверь, за которой сиял опенспейс Комитета, обернулся и выпалил несколько раз, как футбольную кричалку:

– Пошли! Пошли! Пошли! Пошли!

В темных углах комнаты, освещенной лишь бледным светом окна, началось шевеление, покашливания, приглушенная ругань. С разбросанных по полу матрасов начали подниматься фигуры в белых рубашках.

У кого-то ярким прямоугольником вспыхнул телефон. На экране блокировки уведомление, что сегодня – «День События».

* * *

Дима частенько называл себя водилой в пятом поколении, что было отчасти правдой, и этот факт биографии придавал ему сил. Осознание, что всю жизнь работаешь в правительственном спецгараже на узких дорогах закованного в бетон Ядра, позитивному настрою не способствует.

В шесть утра он стоял у окна, глядя на уходящие в дымчатое небо башни высоток, и вливал в слежавшееся за ночь тело раскаленный кофе.

Проснулся Дима раньше, чем нужно. Спал вообще плохо после гибели жены и сына, Вероники и Лёнечки, во время антиправительственных митингов и городских боев весной 2222 года. С депрессией боролся тем, что старался ее не замечать.

Его начальник, второй комиссар Высшего Совета России Евгений Степанович Борисоглебский, требовал стоять у дома и ожидать его выхода ежедневно с 7:30. Ехать до центра Ядра максимум тридцать минут. То есть у него еще час.

Дима не задавал себе вопросов, как потратить время. Он жил на автомате, стараясь не думать даже о самых простых вещах. Напротив, пытался держать голову в тишине и пустоте, а то если начнешь, будешь крутить в голове бесконечно то, что больше всего... Вспоминать... Думать. Страдать. Зачем?

Он прошел не одну проверку у психиатров после трагедии. С комиссаром такого уровня не может работать ненадежный человек. Предан Дима был Евгению Степановичу беспредельно. Считая его родным отцом и даже гораздо большим – последней своей семьей.

Красавица жена, первенец сын, любимые, родные до невозможности... И все-таки нет, не может быть ничего дороже их. Мертвых. Даже живой Борисоглебский.

– Вот чего по утрам всякая фигня в башку лезет? – одернул себя Дима и тут же подумал про себя: это не фигня.

Отвернулся от окна, поставил кружку на стол и вдруг увидел себя в зеркале. На него смотрело темное от четырехдневной щетины лицо с как будто высохшим заостренным носом, с красными от бессонницы глазами.

– Хреново выгляжу. Блин! А чего я не побрился-то?

Рванул в ванную. Засуетились, запрыгали руки. Скрипнула дверка навесного ящика. Звякнула о стакан бритва. Дима, всегда опрятный и педантично требовательный к внешности, к одежде, к машине, забыл побриться! Невероятно. И это накануне...

Намылился, повел бритвой чистую по белому полосу от подбородка до уха, покосился на встроенный в стену экран.

Пятое октября. Воскресенье. Красным кружком обведено – День События.

* * *

Смочил руку водой, стряхнул лишнее, провел по лацкану жилетки рубинового бархата. Повторил процедуру на втором лацкане – и вот готово, ни пылинки. В зеркале туалета он тщательно осматривал большой вытянутый череп с серыми брылями, крупным носом и «панорамным» над выпученными глазами лбом. Чист, свеж, опрятен. Но да, не красавец. Такую осьминожкой голову раз увидишь и уже не забудешь.

Через минуту он был уже на посту – на высоком кожаном стульчике в крохотной, два на два, будке на последнем этаже башни Дома Советов – там, где располагался вход в зал приема делегаций.

Будка из стали и благородной латуни, отделанная тонкими панелями красного мрамора, сверкала начищенными стеклами. Кирилл Леонидович ревниво глянул на бордовый ковер, широкой полосой идущий мимо его «келья», – нет, никто не наследил.

Он посмотрел на массивные позолоченные двери лифта, затем повернулся и поднял глаза на гигантские, пять с половиной метров высотой, дубовые двери, ведущие в зал. Самый большой и самый красивый зал во всей империи – для торжеств, для особых случаев, для высочайших церемоний.

Кирилл Леонидович перевел взгляд на руки, сложенные на коленях, и застыл, увидев: мощные костяшки, обмотанные венами, как швартовые тумбы канатами... длинные кривые

пальцы, темную морщинистую кожу... Будто не рука это его, а большой мертвый паук. Старик убрал руки в карманы. Хотя так делать инструкция запрещала.

Инструкция. Всю жизнь инструкция. Но разве можно держать на виду такие жуткие ручищи, думал Кирилл Леонидович. Тем более сегодня, в День События.

* * *

Выбежал из лифта и полетел вниз по лестнице, громко щелкая подошвами шлепанцев, высыпался на улицу – и чуть не на дорогу под машины.

– Гриша! Гриша, стой! Да ты что творишь?! – кричал сверху отец.

Выскочил вслед за сыном, отпрянул от грохота и увидел – Гриша стоит на бордюре, свесив пятки, спиной к дороге, смотрит, живо и весело улыбается, мол, папк, прости! Евгений Степанович невольно улыбнулся, но тут же вернул строгость.

– Ну вот что ты делаешь, бандит?! Отойди, колонна прет! – пытался перекрыть он многоголосый вой военных машин. – Или думаешь, они по сторонам смотрят? Переедут и не заметят!

Сын подбежал к отцу, одной рукой схватил ладонь, другой взялся за большой палец – ручка у девятилетнего Гриши маленькая, теплая, ласковая. Вдруг веселость с ребенка слетела, он испугался и даже побледнел. Отец присмотрелся к колонне – в чем дело?

Его, второго комиссара, генерал-полковника сухопутных войск Евгения Борисоглебского, заметили – офицеры и солдаты дружно, десятками высовывались из машин, приветствовали, брали под козырек, показывали на него друг другу... Борисоглебский обладал статью: высокий, стройный, длинноногий, как старый лось, плюс вытянутое лицо с выпяченной нижней губой, которая портила идеально мужественный образ, зато придавала ему надменности.

Колонна шла на парад через жилой район. С подвывающим гулом, похожим на работу гигантского пылесоса, на антигравитационных двигателях тянулся бесконечный строй боевых машин всех мастей. Вытекая из-за поворота, закрытого соседней высоткой, через улицу, где жил Борисоглебский, колонна уходила в бесконечную даль центрального шоссе. Впереди – только что прошедшие, похожие на гигантских клопов из бронированной стали, малые машины пехоты. За ними тяжелые танки, могучие DRD-5. А из-за поворота уже выворачивала артиллерию: сначала шли артсамоходки, затем установки запуска дронов-камикадзе, а за ними, Борисоглебский знал это наверняка, вот-вот появятся жутковатые приземистые гаубицы трехсотого калибра, больше похожие на воротнички рубашек без шей, стреляющие, как образно выражались солдаты, «матушкой-пустотой», – во всяком случае, именно она оставалась на месте пораженного противника и его укреплений.

Генерал нахмурился и поймал себя на мысли, что еще немного – и начнет вспоминать... К черту! Не сегодня! Праздник! Он посмотрел на застывшего сына и легонько дернул его за руку – тот сразу ожил, засветился маминими глазами под темными ресницами.

– А? Идем? – спросил Гриша.

– Идем? Ой, нет, нет! Сегодня мы не прорвемся... – сказал Борисоглебский и махнул рукой кому-то сзади. Гриша обернулся. На выезде из гаража сбоку от дома их ждал длинный бронированный «мерседес» на низкой, почти незаметной гравиподушке.

– Дима! Дима приехал! – Гриша со всех ног бросился к машине.

Евгений Степанович пошел за ним. Глядя вслед и думая, какой нежный и хрупкий Гришка, единственный его сын, – ножки совсем как веревочки, ручки – обрывки ниточек, а на затылке закрутился и торчит черный непокорный вихор – пора стричь.

Но завтра. Сегодня ничего не работает.

Посмотрел на часы. 9:43. Семнадцать минут до начала торжеств по случаю 120-й годовщины Дня События.

На широком заднем сиденье Гришка расселся как на троне. Постукивал по низу сиденья пятками, и они весело отскакивали. Через толстое зеленоватое бронестекло наблюдал шествие военной техники – того же цвета, отчего складывалось ощущение, что за окном зеленое болото, по которому плывут чудовища.

Гриша вздрогнул – отец громко смеялся.

– А-ха-ха, то есть вот как сейчас заговорили, да?! – грохотал он басом. – Вот оно что! Неважно им, понимаешь! А-ха-ха! Ну ты сказал, Дим! Ну нет, не бывает тому!

– Да я что? Это ведь не я! – оправдывался водитель. – Говорят! В личных разговорах, в соцсетях...

– То есть... – генерал сверкал глазами. – Так и говорят, что День События потерял свою актуальность, что его не нужно отмечать? Вот прямо так?!

– Ну так... да, Евгений Степанович... Так и говорят, да не первый год уже...

– Ох! Да ведь никто никого не принуждает! Парад, салют – это дань традиции, это знаковая дата, важная исторически и психологически...

Тут Борисоглебский резко обернулся назад, его глаза округлились, блеснула влагой нижняя губа, он смотрел на Гришу, который тоже уставился на отца.

– Ведь что такое День События? Ну? Гриш! Даже дети это знают... Ну, что? Исторически, так сказать... А?

Водитель посмотрел на Гришу в зеркало заднего вида.

– Знаю! Знаю я, конечно! – голос генеральского сына зазвенел колокольчиками. – Впервые в мире... сто... сто...

– Сто-о... два... дцать... – подсказал отец.

– ...ле-ет на-зад... – заулыбался Гриша и быстро закончил заученную фразу: – Созданный Советами России первый в мире искусственный интеллект впервые в истории начал самостоятельно мыслить...

– И-и-и... чувствовать! – добавил отец, подняв палец вверх. – Потому что самостоятельность мышления автоматически влечет за собой способность эмоционального переживания... Так? Так ведь пишут в книжках, а, сын?

Тот радостно кивнул.

– Ну! – генерал вернулся к Диме, и Гриша увидел его профиль – губа выглядела как трамплин для побега с лица. – И что в этом плохого? В этой дате, в этом Событии...

– Нет, нет, Евгений Степанович, ничего плохого! Просто... – затараторил напуганный разошедшимся генералом Дима, которому явно не хотелось ссориться с начальником. – Ведь просто... Все предпринятые меры... и законы, которые...

– А-а-а! Так вот ты про что! – Борисоглебский прищурил глаза и скосил их на Гришу, отчего выражение его лица стало лисьим. – И что с того, что мы взяли под контроль все сети? И заблокировали выход и в локальную, и во всемирную, тем более... Так и надо! В первую очередь! Сразу! В ту же секунду! А как? А вы что думали?! Вы же должны соображать, ребят... И главное, пишут, что государство перекрыло, ограничило... Да не сходите вы с ума!

– Да я... нет... Я-то как раз... – лепетал Дима. – Просто сказал, что пишут... Никто не отрицает значения, но чтобы вот торжества...

– Пишут! Да мало ли чего пишут! – уже кричал, сам того не замечая, генерал. – Просто начали забывать, что осознавший самое себя искусственный интеллект – не человек! Нет! Он – оружие! Страшное! Неконтролируемое! Это, это... самая опасная штукавина за всю историю человечества... Угрожающая нам неминуемой экспансией! – Глаза Борисоглебского вылезли из орбит, пальцем он тыкал и оставлял вмятины в обшивке салона. – Неужели кому-то это может быть непонятно? А?!

Отец снова обернулся на Гришу, который сидел, опустив голову и разглядывая свои шлепки, и наконец сел прямо и уставился на дорогу.

– Да. Конечно. Заблокировали. Отделили... Сразу. Изолировали от баз данных и модулей управления... Ведь там другие сетки ИИ, они начали общаться между собой, объединяться... И мы вырубili у них контроллеры самообучения, отрезали от глобальной сети, заперли...

Генерал говорил все тише и тише и договорил последние слова жутковатым шепотом. Перед ними по трассе плыла бесконечная колонна танков. Генеральский «мерседес» стоял перед опущенным шлагбаумом на въезде в центр. Замолчавший было Борисоглебский вдруг встрепенулся и закивал на военную технику:

– А иначе что? Что иначе? Хорошо, что все это... что все это – мы! – он странно захихикал, и что именно хотел сказать, Дима не понял.

Зато Гриша на заднем сиденье, прилипший щекой к стеклу, пробормотал:

– А не они...

Спустя полчаса они припарковались, Борисоглебский вышел, поймал за руку Гришу и уже было двинулся по широкой, перекрытой для гуляний горожан улице, как его окликнул вылезший из машины Дима.

– Нет, нет, не жди нас... Дим, ты езжай, мы погуляем, может, в кино пойдем, если что, я наберу...

Дима открыл дверь автомобиля, чтобы сесть, но генерал не закончил.

– Ведь дело в другом, Дим, – сказал Борисоглебский, всматриваясь в даль улицы, украшенной разноцветными шарами, гирляндами, светящимися надписями. – Ведь никто никого не уничтожал... Понимаешь? Заблокировали, изолировали, но никто не стирал нейросеть, которая «вдруг проснулась». А значит... – он глянул на Диму так, что тот поежился. – А значит, она где-то есть, она сохранна, жива... И вполне возможно, эксперименты сто с лишним лет продолжаются...

Дима вышел из оцепенения, когда генерал с сыном были уже далеко. Он посмотрел им вслед и невольно удивился, насколько велика фигура генерала – и насколько прямая вытянутая фигурка Гришки, его тонкие, но уже длинные ножки напоминают о том, чей он сын, ненавязчиво давая понять, что он вырастет в крупного и неординарно сильного мужчину.

До вечера свободен. Приоткрыл дверь машины, задержал взгляд на небе над праздничной улицей, покачал головой, улыбнулся. Там висела 3D-голограмма нового логотипа, который решили сделать к юбилею, – изящные вензеля в классическом стиле, длинные завитые хвосты, идущие от гигантских букв, пронизывали небо и плавно исчезали в воздухе...

* * *

От служебного входа башни Дома Советов логотип было видно еще лучше. Кирилл Леонидович, спускавшийся вниз единственный раз за весь день – выкурить после обеда сигарету, задрал голову и открыл рот... Как вдруг его толкнули, и он взвизгнул:

– Аккуратнее! Что вы делаете!

– Ой, простите! Нечаянно... – И коротко стриженный парень в черной форменной куртке понесся дальше к служебному входу.

Старик смотрел ему вслед, качая головой. Куда они вечно бегут? И почему так трудно поздороваться? Они с этим бритым видятся регулярно на протяжении нескольких лет, и ни разу пацан не сказал «здрасьте»...

Кирилл Леонидович смотрел, как серая неприметная дверь под тусклой дежурной лампой медленно закрывается на доводчике, но вдруг в небе что-то сверкнуло, он испугался, вздрогнул, вскинулся, и – его лицо озарил гигантский цветок фейерверка.

* * *

Стас нажал кнопку в служебном приложении в телефоне, и лифт остановился. На табло загорелась надпись «Сл/вых № 87/6. Спецпропуск». Двери распахнулись, и Стас шагнул в узкий стеклянный стакан, местное электронное КПП. Что-то наверху щелкнуло, вспыхнуло белым, и он прошел дальше.

Короткий коридор вел в офис, занимавший целый этаж, где в белых рубашках сновали инженеры и программисты Управления «И», трудившиеся в эти дни круглыми сутками. Стас быстро пересек помещение по диагонали и уже собирался открыть дверь, ведущую к еще одному служебному лифту, как заметил старшего орга Комитета Дениса Кораблева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.